

Bibliotheca Islamica

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

Islamic Studies Department

Betsy Shidfar

The System of Images in Classical Arabic Literature of the VI–XII Centuries

Mardjani Publishing House

Moscow
2011

Bibliotheca Islamica

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Кафедра регионоведения и исламоведения

Б.Я. Шидфар

Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.)

Издательский дом Марджани

Москва
2011

Оглавление

7	И.В. Алексеев, П.В. Башарин. ОТ ИЗДАТЕЛЯ
12	Н.А. Успенская. О БЕТСИ ЯКОВЛЕВНЕ ШИДФАР
23	ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА
28	Глава I. ОСНОВЫ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕАРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
30	Вопрос о свободе творчества. Принцип «привычного»
38	Человек и природа
45	Принцип «контрастности». Проблема героя древнеарабской поэзии
57	Система образов древнеарабской поэзии
72	Поэзия и проза — эмоция и сюжет
86	Глава II. ОСНОВЫ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ КОРАНА
114	Глава III. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ VIII–XII вв.
115	Принцип «разумности»
118	Принцип «комического»
129	Преклонение перед словом
137	Принцип «гармоничности»
149	Принцип «иерархичности»
187	Принцип «классификации»
219	Принцип «канонического»
270	БИБЛИОГРАФИЯ
294	Указатель имен
304	Указатель названий сочинений
306	Указатель географических названий
309	Указатель терминов
314	Указатель цитируемых сочинений
317	SUMMARY

Contents

7	I.A. Alexeev, P.V. Basharin. FROM THE EDITOR
12	N.A. Uspenskaya. ABOUT B.Ya. SHIDFAR
23	AUTHOR'S PREFACE
28	Chapter 1. FOUNDATIONS OF THE SYSTEM OF IMAGES IN OLD ARABIAN LITERATURE
30	A question of freedom of creativity. Principle of habitual
38	A man and the nature
45	Principle of contrast. Problem of a hero in old Arabian poetry
57	System of images in old Arabian poetry
72	Poetry and prose: plot and emotion
86	Chapter 2. FOUNDATIONS OF THE SYSTEM OF IMAGES IN THE QUR'AN
114	Chapter 3. MAIN PRINCIPLES OF THE SYSTEM OF IMAGES OF ARABIC LITERATURE IN THE VIII–XII CENTURIES
115	Principle of ratio
118	Principle of comic
129	Reverence for the word
137	Principle of harmony: framed composition and gradation
149	Principle of hierarchy
187	Principle of classification
219	Principle of canonical
270	BIBLIOGRAPHY
294	Index of proper names
304	Index of literary works
306	Index of geographical notions
309	Index of terms
314	Index of citations
317	SUMMARY

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Настоящей публикацией Издательский дом Марджани продолжает проект возвращения современному русскоязычному читателю классических отечественных работ по истории и культуре исламского мира, начатый переизданиями работ Т.М. Шумовского по истории арабского мореплавания и перевода Корана Б.Я. Шидфар.

Монография Б.Я. Шидфар «Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.)», впервые изданная в 1974 г., является первой советской обобщающей теоретической работой в области арабского литературоведения. Со времени своего издания она давно уже стала библиографической редкостью, не потеряв, однако, научного значения.

Несмотря на то, что в мировом востоковедении основные открытия в области домусульманской и раннеисламской арабской словесности ко времени написания книги уже давно были сделаны, многие результаты научных исследований первых двух третей XX века не утратили своей значимости до настоящего времени. Это касается ставших в настоящее время классикой трудов таких выдающихся исследователей, как Р. Блашер (R. Blachere), А. Блох (A. Bloch), Г.Э. Грюнебаум (G.E. von Grünebaum), М. Годфруа-Демомбин (M. Gauthier-Demombynes), Р. Гейер (R. Geiger), Ф. Габриели (F. Gabrieli), Ж. Лекомт (G. Lecomte), Л. Шейхо (L. Cheikh), Р. Якоби (R. Jacoby), и многих других.

Уже после выхода книги Б.Я. Шидфар — в последней трети XX — начале XXI в. — изыскания в области арабской стилистики дополнили исследования Ж.Э. Беншейха (J.E. Bencheikh), С.А. Бонебаккера (S.A. Vonebakker), Г.Х. Ван Гельдера (G.H. Van

Gelder), С. Гюнтера (S. Günther), В. Кантарино (V. Cantarino), Дж.С. Мейсами (J.S. Meisami), А. Микеля (A. Miquel), Дж.Э. Монгомери (J.E. Montgomery), Дж.Т. Монроу (J.T. Monroe), А. Хамори (A. Namori), Г. Шолера (G. Schoeler) и других.

Появился ряд новых теорий и направлений. С 70-х гг. прошлого века возник новый импульс изучения устной традиции применительно к доисламской поэзии и анализа особенностей устной передачи поэтических текстов с точки зрения «устной теории» как особой коммуникативной системы, отличающейся от письменной культуры, занявшей одно из приоритетных мест в фольклористике со времени появления «теории Пэрри-Лорда» (Дж.Т. Монроу, М.Н. Цветтлер, П.М. Курпершок и др.). Такой подход открыл новые перспективы аутентификации арабской домусульманской поэзии, одному из превостепенных вопросов, вызвавших в начале прошлого века острейшую дискуссию, в которую втянулись европейские и арабские ученые¹. В отечественной арабистике следует назвать статьи А.Б. Куделина о проблеме трансформации «устной литературы» в домусульманский период в авторскую традицию².

Тогда же ряд ученых начинают исследование особенностей, в т.ч. и стилистических, классической арабской изящной литературы (И. Гериес, Ф. Килото, Ш. Лэдэр, Дж.Т. Монроу, Х. Клипатрик и др.)³. Довольно полное представление о процессе развития изучения арабской домусульманской и раннемусульманской стилистики дают публикации в двух основных периодических издани-

¹ Monroe J.T. Oral Composition in Pre-Islamic Poetry // Journal of Arabic Literature 3 (1972); Zwettler M.N. The Oral Tradition of Classical Arabic Poetry. Columbus, 1978; Ayoub A., Connely B. An Experiment on the Metric of Arabic Oral Poetry. 32/3 (1985). P. 323–359. Одна из статей Дж.Т. Монроу была переведена на русский язык [Монроу Дж.Т. Устный характер доисламской поэзии // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 93–104].

² Ранняя арабская поэзия: Опыт историко-функционального анализа // Классические памятники литератур Востока (в историко-функционально освещении) / Отв. ред. Н.И. Никулин. М., 1985. С. 10–30; Стилистическая особенность арабской поэзии VI–IX вв. // Проблемы исторической поэтики литератур Востока / Отв. ред. И.В. Стеблева. М., 1988. С. 33–54; Куделин А.Б. Аравийская словесность VI–VIII вв.: Опыт рассмотрения в фольклорно-мифологическом контексте // Фольклор и мифология Востока с сравнительно-историческим освещением / Отв. ред. Н.Р. Лидова, Н.И. Никулин. М., 1999. С. 236–257.

³ Geries I. Un genre littéraire arabe: al-Mahāsīn wa-l-Masāwī. P., 1977; Monroe J.T. The Art of Badī' az-Zamān al-Hamadānī as Picaresque Narrative. Beirut, 1983; Kilot A. Les séances: récits et codes culturels chez Hamadānī et Harīrī. P., 1983; Leder S. Ibn al-Ġauzī und seine Kompilation wider die Leidenschaft. Die Traditionalist in gelehrter Überlieferung und originärer Lehre. Beirut, 1984; Malti-Douglas F. Structures of Avaries. The "Bukhalā" in Mediaeval Arabic Literature. Leid., 1985.

ях, посвященных изучению арабской литературы: *Journal of Arabic Literature* и *Arabica*, выходящих по сей день.

В 1983 г. выходит первый том *Кембриджской истории арабской литературы*, являющийся итогом исследований за прошедший период. Раздел о домусульманской поэзии был написан Абд Аллахом ат-Таййибом (Фес)¹. Ничего нового, по сути, в этом разделе не содержится. Центральное место отведено анализу жанра *касыды* и слагающих ее частей: *насиб*, *тахаллус*, *гарад*, *хиджа'*, *фахр*, *риса'*, *хикма*, *васф*. Материалом служат критические издания и переводы источников.

В отечественной традиции крупным событием после монографии Б.Я. Шидфар стало появление книги Н. Ибрагимова, посвященной арабскому народному роману и устной традиции применительно к текстам этого жанра². Поэтому важное место в монографии занимает анализ стилистики. Исследование Н. Ибрагимова во многом опирается на работы Б.Я. Шидфар, в т.ч. на данную монографию³. Стилистике одного из самых популярных народных романов «Сират Антар» посвящена вышедшая несколькими годами ранее статья А.Б. Куделина⁴.

Однако самым важным событием в отечественной науке стало появление двухтомного исследования самого постоянного соавтора Б.Я. Шидфар, крупнейшего специалиста по арабской литературе И.М. Фильштинского *История арабской литературы*, первый том которого посвящен V – началу X века⁵.

В этом ряду книга Б.Я. Шидфар занимает особое место, соединяя зарубежную и классическую российскую традицию изучения арабской словесности с советским послевоенным востоковедением. Эта работа не только ввела в отечественный научный оборот результаты, достигнутые к тому времени мировой арабистической наукой, но и стала отправной точкой для дальнейших отечественных разработок в области арабской филологии и литературоведения.

¹ *El Tayib A. Pre-Islamic Poetry // The Cambridge History of Arabic Literature. Arabic Literature to the End of the Umayyad Period. Cambr., 1983. P. 27–113.*

² *Ибрагимов Н. Арабский народный роман. М., 1984.*

³ *Шидфар Б.Я. От сказки к роману (Некоторые черты арабского «народного» романа) // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 130–133; Генезис и вопросы стиля арабского народного романа (сирь) // Генезис романа в литературах Азии и Африки. М., 1980.*

⁴ *Куделин А.Б. Формульные словосочетания в «Сират Антар» // Памятники книжного эпоса. Стиль и типологические особенности / Отв. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1978. С. 84–105.*

⁵ *Фильштинский И.М. История арабской литературы V – начало X века. М., 1985.*

К сожалению, исследования Б.Я. Шидфар, в том числе и данная монография, оставались мало известными западной науке. Нам не известно ни одной рецензии на эту книгу в ведущих западных арабистических журналах. Данный факт был связан, естественно, вовсе не с отсутствием интереса, а с крайней ограниченностью доступа к советским научным публикациям в силу ряда причин. По обе стороны «железного занавеса» поступления литературы были нерегулярными¹. Библиографические перечни советских исследований сообщали только, название, между тем как сами тексты оставались недоступными². Западные ученые, как правило, вынуждены были довольствоваться трудами, опубликованными до начала второй половины XX в. Так, на Западе были хорошо известны работы И.Ю. Крачковского. Положение дел несколько изменилось с началом новой волны эмиграции из Советского Союза, но коренным образом сдвинулось только в 90-е гг., когда стали появляться рецензии на российские публикации по арабистике³. Тем более важным представляется нынешнее переиздание одной из основных советских работ по арабскому литературоведению, являющейся на сегодняшний день уже историческим памятником отечественной научной мысли.

¹ Рецензии на советскую арабистическую литературу публиковались крайне редко и были обязаны своим появлением личным связям или повышенному интересу отдельных ученых. Например, в 50–70-е гг. известный арабист М. Канар (M. Canard), специалист по связям халифата с Византией, владевший русским языком, написал ряд рецензий на русскоязычные монографии и статьи советских ученых, в т.ч. А.П. Ковалевского, Т.А. Шумовского, С.М. Бациевой, О.Б. Фроловой, А.Б. Куделина и др. [подробнее см.: *Daftari F. Marius Canard (1888-1982): A Bio-Bibliographical Notice // Arabica. 33/2 (1986). P. 261–262.*]

² Одной из немногих была публикация Я.М. Ландау в журнале *Middle Eastern Studies*, в 1973 г.: *Landau J.M. Some Soviet Works on Islam // Middle Eastern Studies 9/3 (1973). P. 358–362.* Между прочим в перечне работ там упоминается *Очерк арабо-мусульманской культуры (VIII–IX вв.)*, написанный Б.Я. Шидфар в соавторстве с И.М. Фильштинским и напечатанный в 1971. С конца 70-х – в начале 80-х гг. *Journal of Arabic Literature* напечатал ряд публикаций С.А. Шуйского (S. Shuiskii) под общим названием: *Annual Bibliography of Works on Arabic Literature Published in the Soviet Union (In Russian)*, в которых также представлены и работы Б.Я. Шидфар. В одном из них, от 1977 г., присутствует ссылка на *Образную систему* [S. Shuiskii. *Annual Bibliography of Works on Arabic Literature Published in the Soviet Union (In Russian) // Journal of Arabic Literature. 8 (1977). P. 182.*]

³ По поводу медленного характера этого процесса в нач. 90-х. приведем один факт: Ф. Корриенте опубликовал рецензию на книгу *Классический арабский стих* Д.В. Фролова, опубликованную в 1991, только в 2000, когда вышел ее английский перевод, хотя русский текст рецензент получил еще до этого [*Corriente F., Frolov D. Klassiceskij Arabskij Stix: Istorija i Teorija Aruda. M.: Nauka, 1991 and Classical Arabic Verse, History and Theory of 'Arūd. Leiden–Boston–Köln: Brill, 2000 // Journal of Arabic Literature. Vol. 31. No. 3 (2000). P. 267–273.*]

Безусловно, эпоха, в которую была написана работа Б.Я. Шидфар, не могла не наложить свой отпечаток на характер и выводы этого исследования. Это касается не только идеологических условий взаимодействия знания и власти, в которых существовало советское востоковедение, но и состояния научных взглядов, доминировавших в арабистике того времени вообще. Так, например, от оценки Корана как продукта творчества Мухаммада, обычной для тогдашнего исследователя-немусульманина сегодня практически отказалось большинство не только западных, но и серьезных отечественных исламоведов¹.

Тем не менее большая часть фундаментальных выводов автора, базирующихся на глубокой проработке огромного количества памятников средневековой арабской литературы, прекрасном знании европейской научной традиции и глубоком проникновении в логику, смысл и дух классической арабо-мусульманской культуры, не только не устарела, но и приобретает новое звучание в нынешнюю эпоху, когда потребность в понимании культуры и ценностных ориентаций арабского и исламского мира стремительно возрастает. Кроме того, прекрасный русский язык автора, сочетающий научную точность с легкостью восприятия и простотой изложения, позволяет рекомендовать эту работу не только в качестве пособия для арабистов, особенно тех, кто начинает сегодня свой профессиональный путь, но и широкому образованному читателю, интересующемуся историей и культурой Ближнего Востока, арабов и ислама.

И.Л. Алексеев, П.В. Башарин

¹ Представление о Коране как продукте сознания Мухаммада уже ко времени написания работы Б.Я. Шидфар было преодолено в научном исламоведении не только из уважения к религиозным чувствам мусульман, но и исходя из усложнившихся взглядов ученых на природу религиозного сознания и феномена пророчества в целом и пророчества Мухаммада в частности. См. *Watt W.M. Islamic Revelation in the Modern World. Edinburg University Press, 1969; Idem. Bell's Introduction to the Qur'an. Edinburg University Press, 1970;* (русское издание *Белл Р., Уотт У.М. Введение в коранистику. СПб., 2005*). Исчерпывающее представление о взглядах отечественных ученых по этому вопросу дают работы: *Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991; Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001*, а также статьи М.Б. Пиотровского (Мухаммад) и Е.А. Резвана (ал-Кур'ан) в: *Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991*. Сумма взглядов современного западного исламоведения содержится в: *Welch A.T.; Paret R.; Pearson J.D. "Al-Ḳur'ān."* *Encyclopaedia of Islam, Second Edition / Edited by: P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel and W.P. Heinrichs. Brill, 2011.*

О БЕТСИ ЯКОВЛЕВНЕ ШИДФАР

1941 год. Севастополь, окруженный немецкими войсками. Во время бомбежки в один из подвалов, который использовался как бомбоубежище, вбегает тринадцатилетняя девочка невысокого роста, светловолосая, с голубыми глазами. В углу подвала замечает книги. Это были книги городской библиотеки, которые спасали здесь от пожаров. Девочке позволяют выбрать одну из них. Она выбирает наугад книжку в изящной золотистой обложке — сказки «Тысячи и одной ночи» в переводе Михаила Александровича Салье. Эти волшебные сказки не оставили равнодушной девочку и разбудили в ней интерес к Востоку, поразили своей необычностью и в то же время непосредственностью, вызвали вопросы, заставили работать воображение. Необычной показалась и фамилия переводчика с арабского оригинала. Могла ли девочка предположить тогда, что через пятнадцать лет именно Салье, знаменитый переводчик, владевший тремя западными и тремя восточными языками, член Союза писателей СССР, труды которого, по словам академика Крачковского, представляют заслугу не только перед арабистикой, но и перед культурой в целом, станет ее научным руководителем при написании кандидатской диссертации. Имя этой девочки было Бетси Шустер.

Бетси Яковлевна Шидфар (в девичестве Шустер) родилась 27 февраля 1928 года на Украине, на хуторе Змиев под Харьковом. Ее мать была микробиологом, отец — врачом широкого профиля: и терапевтом, и хирургом, и всем, кто требовался пациентам медпункта в Змиеве, где он работал. Родители Бетси Яковлевны в 30-е годы принимали участие в ликвидации эпидемий, вспыхнувших во время голода, в том числе и в Казахстане. Впоследствии ее отец стал начальником санэпидемслужбы Туапсинского порта, был на-

гражден, участвовал в советско-финской кампании. Мать Бетси Яковлевны всю войну служила врачом в Центральном госпитале Черноморского флота. Бетси с четырнадцати лет работала в том же госпитале санитаркой. Они пережили осаду Севастополя и были эвакуированы в числе последних военных, уходивших из города. Вместе с госпиталем они пережили бои под Туапсе, под Новороссийском, на Малой Земле.

После войны Бетси поступила в мореходное училище: мечтала стать капитаном морских кораблей. В это время ее отец служил врачом на кораблях Черноморского флота. Скорее всего, это и повлияло на выбор его дочери. Но после того как женщинам запретили занимать должности выше штурманов речных судов, из училища она ушла.

В 1946 году Бетси Шустер едет в Ленинград и успешно сдает экзамены в Ленинградский государственный университет на восточный факультет и учится на арабском отделении, где преподавал академик Игнатий Юлианович Крачковский. Он читал курсы египетского, сирийского и ливанского диалектов, а также вел занятия по Корану и арабской литературе.

Бетси Яковлевна вспоминала свою учебу в университете так: «Преподавание арабского языка было тогда в стадии становления. На первом занятии преподаватель Виктор Беляев написал на доске все буквы арабского алфавита. Потом прочитал их и велел выучить ко второму занятию. На следующем уроке студенты выучили все огласовки, на третьем — им был дан целый ряд арабских пословиц, на четвертом — десять пород глаголов. Вся грамматика была пройдена за два месяца». Это были невиданные темпы. И ни один из студентов не отступил от задуманного, все успешно закончили обучение. Академик Крачковский лично курировал написание курсовых и дипломных работ, но, к сожалению, не увидел, как его студенты защищают дипломные работы — в 1951 году в возрасте шестидесяти семи лет он скончался.

Еще в университете Бетси Яковлевна начала заниматься арабской романтической литературой Андалусии. Творчество Ибн Кузмана, Ибн Сахля ал-Андалуси, Ибн Хузайля ал-Андалуси стало предметом ее научных работ. Дело в том, что параллельно она училась еще и на филологическом факультете университета и выучила четыре языка: два восточных и два западных.

В 1951 году Бетси Яковлевна Шидфар заканчивает очное обучение по специальности «арабист», а в 1952-м обучение экстерном по специальности «романист, специалист по испанской филологии» и получает сразу два диплома.

После завершения учебы Бетси Яковлевна уезжает в Бухару, где сначала работает методистом, а затем заведующей кабинетом русского языка и литературы в Институте усовершенствования учителей. Одновременно она преподает русский язык. Через три года, в 1956-м, она переезжает в Ташкент, где становится аспиранткой Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР и одновременно преподает арабский язык в Среднеазиатском государственном университете (САГУ). Школа преподавания арабского языка в то время в университете только разрабатывалась, и Бетси Яковлевна была одним из первых энтузиастов ее создания. В это же время она пишет кандидатскую диссертацию на тему «Историк и философ XI века Ибн Мискавейх» под руководством М.А. Салье. Так сложилось, что знаменитый выпускник Ленинградского государственного университета, востоковед и переводчик, чья фамилия запомнилась Шустер еще с Севастополя, стал ее коллегой по преподавательской работе, научным руководителем, соавтором многих книг-переводов. Это было похоже на чудо. Однажды я спросила Бетси Яковлевну, верит ли она в Бога. Она ответила: «Не знаю, но я верю в Судьбу». Случай с Салье можно отнести именно к воле судьбы.

В 1959 году во время командировки в Москву Бетси Яковлевна знакомится с иранским политэмигрантом Каземом Алиевичем Шидфаром, и в том же году выходит за него замуж. Она переезжает в Москву, где сначала преподает арабский язык на Высших курсах Министерства внешней торговли СССР, а через год начинает свою работу на кафедре арабского языка в Московском государственном институте международных отношений при МИД СССР, в котором она проработала до конца жизни. Заведующий кафедрой Харлампий Карпович Баранов задал ей на собеседовании всего два или три вопроса на арабском языке и без проволочек принял ее на работу. Он сразу увидел в Бетси Яковлевне талантливого арабиста и очень порядочного человека. Нужно сказать, что все время их совместной работы было отмечено чувством глубокого уважения друг к другу. На это всегда обращали внимание и коллеги, и студенты. Арабский язык был главным кумиром и любовью для обоих.

Мне посчастливилось учиться и у Бетси Яковлевны, и у Харлампия Карповича. В принципах преподавания у них было много общего. Основной упор они делали на изучение арабской литературы в подлинниках, занятия проходили в неторопливой, очень спокойной манере. Они не ужасались нашей слабой осведомленности в вопросах арабистики, а спокойно и терпеливо объясняли нам каждую мелочь. На занятиях царила обстановка взаимопо-

нимания и взаимного уважения. Шидфар читала по арабскому языку все возможные в то время курсы, а также — по истории ислама и по арабской литературе. Бетси Яковлевна, которую студенты и коллеги знали как Елизавету Яковлевну (а за глаза называли Лизой), была автором многих учебных пособий по литературе, по политическому переводу, по переводу публицистических текстов. Она активно занималась со студентами внеаудиторной работой — готовила вечера арабского языка. Мы ставили с ней спектакли, читали стихи на арабском языке, пели арабские песни. На вечерах она всегда сидела на первом ряду и с удовольствием смотрела на наше «творчество» без тени снисходительности и высокомерия. Бетси Яковлевна в начале 80-х годов одна из первых заговорила о необходимости преподавания «лингвострановедения» и участвовала в создании одного из первых пособий по преподаванию этого нового направления.

Бетси Яковлевна была очень честным и скромным человеком. Это касалось и ее отношений с коллегами, и подхода к научной и преподавательской работе. У нее было много аспирантов. Немало ее учеников впоследствии стали видными учеными и дипломатами. Она всегда старалась поддержать молодых востоковедов, щедро делясь своими знаниями и опытом. В то же время требовала от своих аспирантов честного и добросовестного подхода к научной работе, такого, каким отличалась сама. Сталкиваясь с поверхностным или нечестным отношением к делу, она могла оставить на полях работ своих аспирантов такие заметки: «хулиганство!», «безобразия!», «плагиат!». Порядочность в человеческом и в научном плане была для нее основным качеством. Это был определяющий принцип, с которым она подходила и к своей педагогической деятельности, которую, несмотря на свои огромные заслуги в науке, считала главным делом своей жизни, а преподавание арабского языка своей главной профессией.

В научных трудах Бетси Яковлевны Шидфар поражает огромное разнообразие и широчайший спектр их тематики. Она писала об арабской литературе в Тунисе, об алжирских поэтах, о средневековой испанской литературе, о средневековом просветительстве, об арабском эпосе и т.д. Список ее публикаций еще до защиты докторской диссертации составил около трехсот печатных листов (почти семь тысяч двести страниц). А вообще при жизни Бетси Яковлевны было опубликовано около пятисот печатных листов научных работ и переводов. Ряд ее статей был переведен на арабский язык и опубликован в Египте и Ливане. Ее перу принадлежат переводы десятков томов арабских писателей и поэтов. Однажды,

придя домой к Бетси Яковлевне, я увидела, как она работает. На столе стояла механическая печатная машинка, рядом с ней слева лежал раскрытый арабский роман. На странице романа — деревянная линейка, с помощью которой легче фиксировать взгляд на нужной строчке. Я автоматически стала искать глазами черновик или текст перевода. Елизавета Яковлевна объяснила мне, что она переводит сразу на чистовик и сразу печатает его. Еще она заметила с некоторой досадой: «Я совсем обленилась, последнее время больше десяти страниц в день не перевожу».

Невозможно было понять, откуда в этой маленькой, простой и скромной женщине была такая, поистине гигантская, работоспособность, и когда она успела накопить такие глубокие, практически энциклопедические знания обо всем, что касалось арабистики. Ведь ей были не чужды и простые человеческие интересы. Например, она любила готовить, любила фантастику и детективы, любила вышивать. Она прекрасно знала всю мировую литературу, безошибочно определяла, откуда был позаимствован тот или иной сюжет. Когда я показывала ей свои работы по современной арабской литературе, нередко могла услышать: «А этот сюжет позаимствован у Кнута Гамсуна, а вон тот — у Поля Бурже». Она прекрасно разбиралась в кино, в современной живописи. Все научные работы Бетси Яковлевны отличаются прежде всего историческим подходом, глубоким знанием исторической обстановки, в которой появились те или иные произведения. Первая диссертация Б.Я. Шидфар была защищена по истории. И любовь к истории и к языкам передалась и ее детям, оба они историки и прекрасно владеют иностранными языками. У нее была замечательная семья, опорой и центром которой была именно она.

В 1972 году Бетси Яковлевна защитила докторскую диссертацию на тему «Образная система арабской классической литературы в VII-VIII веках», став одним из самых молодых докторов наук и первым и единственным доктором наук в области арабистики на кафедре. В 1974 году она опубликовала монографию «Образная система классической арабской литературы», в которой отразила все основные моменты своей докторской диссертации. В 1975 году ей было присвоено звание профессора.

Среди наиболее крупных работ Б.Я. Шидфар следует выделить целый ряд исследований и переводов по средневековой андалусской литературе, интерес к которой проявился еще в студенческие годы, и первые исследования были написаны именно тогда. Здесь необходимо отметить, что огромная заслуга в этом принадлежит преподавателям Бетси Яковлевны, у которых она училась на фил-

факе Ленинградского университета. Именно они указали молодой студентке на столь благодатный источник и сумели привить ей любовь к этой литературе. В начале VIII в. пришельцы из Северной Африки — арабы и берберы, которых испанцы называли маврами, — свергают готских королей, правивших Испанией. И в течение многих веков Андалусия играет роль связующего звена между арабо-мусульманским миром и Европой. А культура «восточно-мусульманской» цивилизации воспринимается как отличающаяся неповторимым колоритом неотъемлемая часть национальной культуры Испании.

Впоследствии эта работа Б.Я. Шидфар переросла в ряд монографий по андалусской поэзии и прозе. Вышло также несколько ее книг переводов андалусских поэтов и прозаиков, целью которых, по ее словам, было «дать читателю возможность представить себе многообразие мавританской культуры, культуры арабской Испании правдиво и без ложной экзотики». Интересно, что книга переводов «Средневековая андалусская проза», изданная в 1985 году, включает в себя переводы Б.Я. Шидфар и ее учителя и руководителя ее научной работы М.А. Салье. Также следует отметить, что монография Шидфар «Андалусская литература» была переведена на японский язык профессором из Осаки и издана в Японии. Я помню, как во время нашей совместной работы в институте Бетси Яковлевна получала буквально десятки писем от японского профессора, в которых были вопросы по переводу тех или иных мест в текстах, и она прилежно ему отвечала.

Перу Б.Я. Шидфар принадлежит также ряд книг издательства «Наука» из серии «Ученые и писатели Востока»: «Абу Нувас», «Ибн Сина» и «Абу-ль-Аля' аль-Ма'арри». В интервью корреспонденту журнала «аль-Мадар» на вопрос, почему именно эти фигуры были избраны ею для исследования, Бетси Яковлевна ответила: «Во-первых, по причине масштаба этих личностей, а во-вторых, по причине их свободолобия и независимости суждений». Она считала своей задачей показать, что труды этих великих ученых, мыслителей и поэтов являются неотъемлемой частью культуры всего человечества.

Действительно, масштаб личности этих ученых и поэтов Востока трудно переоценить. Ибн Сина (Авиценна) (980–1037), ученый, врач, философ, перу которого принадлежат четыреста пятьдесят трудов в двадцати девяти областях науки. Представитель восточного аристотелизма, это был человек, одержимый исследовательским духом и стремлением в равной мере глубоко овладеть всеми известными тогда отраслями знания, ученый, которого называли

«лучшим философом Востока, доказательством истины для всех людей». О нем сложено несметное множество легенд, в которых реальные исторические факты переплетаются с почти сказочным вымыслом. Даже в наши дни, открыв соответствующую страницу в Википедии, вы столкнетесь с одной из них, рассказывающей о том, что Авиценна изобрел эликсир бессмертия. Если исходить из того, что популярность исторического персонажа определяется количеством легенд о нем, слава Ибн Сины была поистине огромна. Труды великого ученого и философа стали главными пособиями для изучения логики, философии, медицины, особенно «Канон врачебной науки, который был одной из первых печатных книг и выдержал тридцать шесть изданий. Он сохранил свою практическую ценность вплоть до восемнадцатого века.

Другая фигура — Абу-л-Ала' ал-Ма'арри (979–1057). Слепой поэт из маленького сирийского города ал-Ма'арры становится основателем филологической школы. Если перечислить все труды ал-Ма'арри — тысячи стихотворных строк, научные трактаты, афоризмы, — трудно будет поверить, что все это было создано одним человеком. У него есть книги, написанные рифмованной прозой с алфавитным расположением рифм, книги, трактующие разнообразные вопросы грамматики, стихосложения. Абу-л-Ала' написал множество трудов, которые мы сейчас назвали бы «литературной критикой», ряд пособий по вопросам лексики и синтаксиса. Но в памяти поколений он остался прежде всего как поэт. Он писал стихи в самых разных жанрах. Мировоззрение ал-Ма'арри Б.Я. Шидфар называет философией мусульманского неоплатонизма. По ее словам, титаническая фигура слепца из ал-Ма'арры не сравнима ни с кем из арабских поэтов, даже очень талантливых: «Ал-Ма'арри — чрезвычайно сложная личность и не менее сложный автор. Его проза и стихи полны такого яростного стремления к “чистой” вере и искренности, что давали повод обвинить его в ереси и безбожии». Мысли, заключенные его произведениях, «вечны и близки всем, кто когда-либо задумывался о смысле жизни»

Фигура Абу Нуваса (середина VIII — 810) стоит особняком от других представителей классической арабской поэзии. Его образ жизни нередко называли скандальным и распутным. Истории, связанные с жизнью этого поэта эпохи Харуна ар-Рашида и ал-Амина, легли в основу некоторых сюжетов из сказок «Тысячи и одной ночи». Его называли «арабским Анакреонтом» и даже «арабским Гейне». Он был ярким противником «псевдоклассицизма» (слепого подражания классической поэзии). Виднейший представитель «нового стиля» в классической арабской поэзии, Абу Нувас был в

то же время «мастером своего дела во всех канонических жанрах». Он оказал огромное влияние на поэзию последующих поколений и поэтому считается одним из величайших поэтов Востока. Бетси Яковлевна настолько хорошо знала поэзию Абу Нуваса, историю его творчества, исторические условия того времени, каждый момент в жизни поэта, что осмелилась на такой шаг, сделать который могут лишь очень немногие литературоведы. Она написала роман «Абу Нувас», где прослеживается каждая черта личности великого поэта, каждый момент его жизни. К сожалению, этот роман, как и многие другие работы, не был опубликован при жизни автора и только сейчас стал доступен читателю¹. Когда в 1993 году я прочитала роман в рукописи, у меня не было ни малейшего сомнения, что все именно так и было. Он оставлял такое же впечатление, как и роман Ю.Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», в котором образ поэта и его творчество стали настолько близки исследователю, что для него поэт в прямом смысле ожил.

Однажды на конференции, слушая доклад одного из ученых, Бетси Яковлевна сказала с сожалением: «Талантливый, но жаль, что он никогда не напишет книгу для людей». Книги Бетси Яковлевны были именно для людей, не обязательно для арабистов или востоковедов. Эти книги были обращены к любому, кто хотел узнать больше о литературе, поэзии, о культуре Востока или просто «когда-либо задумывался о смысле жизни». Они написаны простым, понятным языком и чрезвычайно интересны, так как содержат редчайшие сведения о творчестве самых выдающихся людей, удивительные факты из их жизни.

В 1975 году, когда я была начинающим преподавателем арабского языка в МГИМО, мои студенты второго курса подарили мне на один из праздников книгу. Это был перевод арабского народного романа «Жизнеописание Сайфа сына царя Зу Язана», выполненный И.М. Фильштинским и Б.Я. Шидфар. Нужно сказать, что жанр народного романа представлял собой своеобразное и весьма значительное явление культуры средневекового Востока. Создававшиеся в VIII–XII вв. такие романы составляли основной репертуар чтецов-декламаторов, обычно выступавших с ними перед городской публикой, и изначально носили выраженный народный характер. Этот жанр и поныне жив еще в некоторых странах Арабского Востока. Нужно отметить то огромное влияние, которое он оказал на новые жанры арабской литературы. На европейские языки роман целиком никогда не переводился, выходили переводы

¹ Шидфар Б.Я. Абу Нувас: Роман-биография. М.: Изд. дом Марджани, 2011.

лишь небольших его частей. Это был первый наиболее полный его перевод. В качестве героя в нем представлена реальная историческая фигура — химьяритский царь Сайф, сын Зу Йазана, сыгравший известную роль в истории Южной Аравии во времена изгнания эфиопов, господствовавших в стране с 525 г. Этот герой в романе перенесен в некую условную эпоху, для которой характерны черты и доисламской Аравии, и египетского средневековья.

В романе очень конкретно отражены события, связанные с распространением ислама и искоренением язычества, и весь мир в нем поделен на хороших людей — мусульман — и плохих — язычников. Значительная часть романа написана рифмованной прозой, при этом он содержит множество стихов, в которых представлены жанры традиционной средневековой поэзии.

После перевода «Жизнеописания Сайфа» увидели свет такие литературоведческие работы, как «Арабский народный роман», «Об особенностях арабского эпоса», «Есть ли эпос у арабов?», «Арабский эпос». Своей жизнью и своим научным творчеством Бетси Яковлевна являла тот редкий случай, когда, по словам русского востоковеда Анны Аркадьевны Долининой, «талант переводчика-художника сочетается с талантом ученого, и работа над переводом, требующая погружения в авторский текст, будит исследовательскую мысль». Ведь докторская диссертация Шидфар и ее монография «Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.)» появились именно таким образом, после подготовки Бетси Яковлевны вместе с другими арабистами подстрочных переводов для раздела «Арабская поэзия средних веков» в серии «Библиотека всемирной литературы» (М., 1975). Именно эти переводы позволили ей приступить к объяснению особенностей стиля арабской поэзии и прозы, образных средств, употребляемых арабскими писателями и поэтами того времени. При этом образные принципы арабской классической поэзии даются автором в строгом соответствии с исследованиями главных арабо-мусульманских теоретиков. В качестве литературного произведения в работе подвергся рассмотрению и Коран как важнейший памятник арабской культуры. Здесь прослеживается и его связь с классической литературой, его влияние на развитие арабского языка и искусство красноречия, и отношение к нему представителей арабской классики.

Такой величайший текст, каким является Коран, не мог оставить равнодушной такого ученого-филолога, как Бетси Яковлевна. Она преподавала нам перевод Корана и в рамках общего курса, и вела спецкурс, связанный с переводом памятников, в первую оче-

редь Корана. Поэтому неудивительно, что одной из последних ее работ стал перевод Корана, который при ее жизни так и не был опубликован. Тут возникали самые разные препятствия: то усиливалась антирелигиозная политика государства, то закрывалось издательство, где была уже намечена публикация (тогда рукопись перевода чуть было не была утеряна), то издателя не устраивала национальность автора перевода, и даже то, что это женщина. Конечно, Бетси Яковлевне очень хотелось опубликовать этот труд при жизни, так как она вряд ли верила, что удастся это сделать после ее смерти.

Бетси Яковлевна не считала себя «великим» востоковедом и всегда вела себя крайне скромно. Когда на заседании кафедры нужно было «дать добро» на очередную работу Шидфар, она всегда чувствовала себя очень неловко из-за того, что «отнимает» у коллег «драгоценное» время, и как бы извиняясь, очень коротко говорила: был, мол, такой поэт в древности, звали его Абу Нуvas, а она переводила его стихи, а теперь вот написала о нем книгу, которую будет публиковать издательство «Наука», и мы должны на кафедре «дать добро». Вся процедура обычно занимала несколько минут, не больше пяти. И, наверное, мало кто из присутствовавших признавал значение этих работ. Ведь, как говорится: «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Правда, думаю, что наши учителя, сверстники Бетси Яковлевны, это понимали. Помню слова, случайно брошенные нашим коллегой и учителем Владимиром Соломоновичем Сегалем, который занимался с нами, тогда еще молодыми и «зелеными» преподавателями кафедры: «Я большой лентяй, давно бы надо взялся за написание грамматики. Вот Шидфар молодец. Между пеленками и кастрюлями пишет и пишет одну книгу за другой. И какую книгу!»

Помню, как кафедра в 1988 году отмечала шестидесятилетие Бетси Яковлевны. Думаю, что большего состояния неловкости она не испытывала никогда. Доклад о ее жизни и деятельности делал Владимир Иосифович Соловьев, который «раскопал» даже такие факты о ней, как работа санитаркой во время войны. Ей в этот день «пели дифирамбы», а она ни на кого не могла взглянуть из-за смущения и все пыталась перевести разговор в шутивную форму. Вообще юмор, сатира и даже сарказм всегда импонировали ей. Она любила остроумные анекдоты, могла позволить себе колкое высказывание в официальной обстановке. Может быть, поэтому сатирические жанры в прозе и поэзии не прошли мимо ее научного исследования и заняли в нем одно из важнейших и центральных мест. Сатиру она всегда считала «стадиально-передовым жанром»

и видела ее задачу в разрушении старого, отжившего. Этим, скорее всего, и объясняется ее выбор в пользу таких фигур, как Абу Нувас и Абу-л-Аля ал-Ма'арри, острая сатира которых была направлена против отживших устоев — в жизни и в литературе.

Бетси Яковлевна Шидфар умерла 28 мая 1993 года в возрасте шестидесяти пяти лет и похоронена на Митинском кладбище в Москве. К большому сожалению, такие личности, как она, обычно получают признание лишь после смерти. Увы, это печальная закономерность по отношению к великим ученым, к числу которых она, несомненно, принадлежала. Но мне бы хотелось добавить к этому и другое: Бетси Яковлевна была очень умным, добрым и порядочным человеком, что не всегда присуще большим ученым. Она никогда не гналась за славой и не мечтала о ней. Ее истовость и преданность в служении любимому делу позволили ей, по словам Анны Аркадьевны Долининой, опередить свое время благодаря свойственной ей свободе мысли.

Н.А. Успенская

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Арабская литература VI–XII вв. — одна из интереснейших страниц в истории мировой литературы, поэтому она вызывает к себе постоянный интерес.

Ознакомление с арабской литературой началось с изучения так называемой «джахилийской» (доисламской) поэзии — *му'аллак* (героических поэм или песен) древних арабских поэтов Имру' ал-Кайса, Тарафы, 'Антары и др. Ученые-востоковеды переводили их стихи, изучали их жизнеописания, не пытаясь осмыслить и объяснить особенности их творчества.

К началу нашего (XX в. — *Примеч. ред.*) века в мусульманских странах и Европе были опубликованы основные памятники арабской литературы от ее зарождения до периода позднего Средневековья. Публикация памятников свидетельствовала о большом интересе к средневековой литературе арабов среди европейских ученых, а также об обновлении подхода самих арабов к собственному наследию. Испанские ученые-арабисты начали рассматривать «арабский период» истории Испании как неотъемлемую часть своей национальной истории, и появились труды Риберы, Кодеры, позднее Гарсии Гомеса, посвященные андалусской литературе.

Создаются труды классифицирующего характера, подобные «Истории арабской литературы» Брокельмана; усиливается потребность в создании очерков, освещающих развитие арабской средневековой литературы уже не в виде разрозненных фактов, а как единый процесс, что приводит к появлению работ обобщающего характера, таких как книги Меца, Кремера и Ренана.

Появляются истории литературы, или «литературные истории», типа книг Николсона и Юара (общие истории арабской классической литературы), Никла и Переса (андалусская литература)

и др. Для авторов этих книг характерно стремление изложить историю арабской классической литературы на широком историческом фоне, показать обусловленность того или иного явления.

За первую половину этого века (XX. — *Примеч. ред.*) было опубликовано значительное число исследований по средневековой арабской литературе, в частности поэзии, почти во всех европейских странах, а также на Ближнем Востоке. Вот имена хотя бы некоторых из их авторов: Гибб, Марголиус, Николсон (Великобритания), Крачковский, Крымский, Эберман (СССР), Блашер, Марсэ, Масиньон, Перес (Франция), Наллино, Леви Делла Вида, Габриэли (Италия), Ритгер, Шааде (Германия).

В послевоенный период ученые-арабисты, получившие в свое распоряжение множество новых материалов, публикуемых главным образом в Бейруте, Каире, Багдаде и других ближневосточных центрах, начинают пересматривать некоторые установившиеся и ставшие традиционными взгляды. Окончена дискуссия о возможности фальсификации древнеарабской поэзии, по-новому ставится вопрос о роли и месте творчества Джахиза в арабской классической литературе, о чем говорил в свое время И.Ю. Крачковский и что стало особенно очевидно после работ Пелла и переводов произведений Джахиза («*Китаб ал-бухала*» и др.). После издания считавшейся утерянной книги Таухиди «*Масалиб ал-вазирайн*» ученые могут получить новые данные о развитии и характерных особенностях сатирической арабской средневековой литературы — важнейшего течения, сыгравшего огромную роль в ее развитии.

В наше время ученые разных стран, и прежде всего арабские ученые, возвращаются к монографическому и тематическому изучению отдельных авторов или течений в арабской классической литературе. Много дали в этом направлении арабские ученые Шауки Дайф, Ихсан 'Аббас, Луис 'Авад, Йусеф Халиф, Мухаммад Хадара и др. На основании большого материала они пытались установить закономерности развития арабской средневековой литературы.

Большое значение для изучения арабской средневековой литературы имеют труды Густава Э. фон Грюнебаума (1909–1972), который пришел к интересным выводам о характере арабо-мусульманской культуры и литературы в период ее расцвета.

В СССР И.Ю. Крачковский своими статьями наметил основные линии исследования классической арабской литературы.

Казалось бы, не осталось больше вопросов, заслуживающих внимания, — ведь учеными разных стран были написаны и общие очерки классической арабской литературы, и исследования, посвященные ее выдающимся деятелям, изданы сборники стихов и

доисламских поэтов, и поэтов «классической» эпохи, а также прозаические произведения.

Тем не менее подлинно литературоведческое исследование доисламской и классической арабской поэзии и прозы только начинается. Задачей предшествующих исследователей была главным образом источниковедческая работа — издание трудов поэтов и литераторов, сбор фактов их биографий, уточнение атрибуции произведений, выяснение исторической обстановки, в которой проходила деятельность того или иного литератора. В настоящее время появилась необходимость в теоретическом осмыслении богатейшего наследия доисламской и классической арабской литературы, в выяснении эстетических основ ее образной системы. Сейчас уже нельзя ограничиться констатацией фактов, перечислением тех или иных особенностей литературного наследия. Новая задача состоит в их объяснении не с современной точки зрения, а как бы изнутри, исходя из типологических особенностей культуры данного периода, мировоззрения литературных деятелей и системы их философских и эстетических взглядов, их психологии, сопоставляя теоретические положения, высказанные ими, с их преломлением в литературной практике соответствующего периода. И только после этого можно приступить к объяснению особенностей стиля арабской поэзии и прозы, образных средств, употребляемых арабскими авторами прошлого.

Установление определенных закономерностей, прослеживаемых в образной системе арабской литературы VI–XII вв., способствовало бы уточнению периодизации истории развития арабской литературы.

Очевидно, для создания продуманной периодизации нужно монографически исследовать творческое наследие каждого из наиболее крупных поэтов и прозаиков, что еще до сих пор не сделано. При этом в ряде случаев литераторы, хронологически довольно далеко отстоящие друг от друга, оказываются ближе, чем некоторые современники. Это говорит не столько о наличии «периода новаторства», «возврата к древности» и т.д., сколько о наличии литературных направлений и течений более или менее длительного периода.

Ныне арабисты-литературоведы могут использовать достижения отечественной медиевистики, представленной главным образом работами Д.С. Лихачева, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа и др.

Настоящая работа является попыткой найти ряд некоторых общих закономерностей образной системы литературы на арабском языке от VI до XII в. Автор старается проследить эволюцию образной системы арабской литературы за этот период от наиболее древней

эпической, натуралистической (или стихийно-материалистической) стадии художественного мышления, присущей обществу родового строя, до более сложной системы, основанной на объективно-идеалистической философской системе мусульманского неоплатонизма. При анализе древнеарабской литературы приходится исходить только из стихотворных и прозаических произведений данного периода, так как в это время еще не были созданы какие-либо теоретические труды. Средневековая арабская литература насчитывает немало крупных теоретических произведений, основные из которых рассмотрены ниже более подробно. При этом иногда употребляется термин «арабская античность» для определения древнеарабской или доисламской литературы, а для «поздней» (по терминологии средневековых арабских авторов) литературы — термин «классика». Эти термины создают определенные ассоциации у читателя, знакомого с развитием европейских литератур, и не так ограничены хронологическими условными рамками, как термины «доисламская», «литература периода завоеваний», «омеййадская литература». Может быть, древнеарабскую литературу следует определить как «арабский героический эпос», объединив *касыды* древних поэтов с их жизнеописаниями, и «романтический эпос» — сказания о Лайле и Маджнуне и о Джамиле и Бусайне. Хотя средневековая арабская традиция датирует события этих сказаний «омеййадским» периодом, они включены в первую главу благодаря своим особенностям, позволяющим отнести их к эпической стадии развития арабской литературы.

Не всегда легко безоговорочно приписать того или иного поэта к определенному периоду. Ведь можно говорить не только о многослойности культуры, особенно культуры важных переходных периодов в истории человечества, какими были, в частности, для арабов VII–VIII вв., но и о многослойности сознания людей, живших в то время. Поэтому творчество, например, таких поэтов, как ‘Умар ибн Аби Раби‘а, Джарир, Ахтал, Фараздак, Башшар и ряд других, противоречиво и содержит в себе элементы разных «культурных слоев».

При определении закономерностей основ образной системы арабской литературы принималось в расчет творчество наиболее значительных поэтов и прозаиков, считавшихся в свое время мастерами того или иного поэтического или прозаического жанра.

Поскольку в данной работе используются самые различные поэтические и прозаические жанры и на примере каждого из них прослеживаются те или иные закономерности, присущие древней и классической литературе, как литературное произведение рассмотрению подвергся и Коран. Прослеживается как его связь с арабской античностью, так и отношение к Корану литературных деятелей арабской классики, видевших в нем образец истинно

арабского красноречия. При этом в известной мере преследовались и определенные практические цели — путем литературного перевода показать возможность сохранения ритма и рифмы при переводе Корана на русский язык.

Большое внимание уделено сатирическим жанрам прозы и поэзии, так как именно они являются наиболее яркими показателями степени развитости литературы, яснее всего выражают этический и эстетический идеал определенной эпохи (в обратном виде «отрицательного» персонажа). Поэтому сатира является всегда стадийно наиболее передовым жанром, так как ее роль — разрушение старого, отжившего и поэтому смешного, что в данном конкретном случае выражается в выработке «образов-перевертышей», способствующих разрушению канонических стиливых уровней традиционных жанров.

Основные принципы, на которых покоилась образная система арабской классической поэзии, изложены в том виде, как они даны арабо-мусульманскими теоретиками, в первую очередь Ибн ал-Му'таззом, Кудамай ибн Джа'фаром и 'Аскари. Иногда приводятся выдержки из других авторов. При этом главной задачей было не столько изложить взгляды средневековых арабских ученых — теоретиков литературы, сколько показать, на каких принципах они основываются в своих определениях и классификациях. Поэтому принцип классификации мы освещаем главным образом на примере трудов «*Китаб ас-сына'атайн*» 'Аскари и «*Китаб ал-бади*» Ибн ал-Му'тазза, а принцип каноничности — на примере «*Накд аш-ши'р*» Кудамай ибн Джа'фара.

Материал *макам*, новелл «1001 ночи» и некоторых «народных романов» представлен в обобщенном виде.

Переводы арабских прозаических и поэтических текстов сделаны всюду нами, за исключением «Калилы и Димны» (перевод И.Ю. Крачковского и И.П. Кузьмина) и «Книги о скупых» Джахи-за (перевод Х.К. Баранова).

В данной работе мы употребляем систему передачи арабских имен собственных и названий, принятую в современных советских изданиях¹. В прилагаемую библиографию включены источники и исследования на различных языках, авторы последних часто придерживаются иных мнений, нежели изложенные в настоящей книге. Изданию сопутствуют указатели. В отсылках применена кодовая система: номер издания по библиографии — прямым шрифтом, страницы — курсивом. В многотомных изданиях номер тома указан римскими цифрами.

¹Б.Я. Шидфар, 1974.

SUMMARY

Arabic classical literature is one of the richest in the world, it counts a multitude of most interesting poetic and prosaic works. The development of literature was paralleled by the development of literary criticism. This dual phenomenon provides an opportunity to analyze Arabic medieval literature in two aspects: to trace its grain features from the point of view of modern literary criticism, and to compare the conclusions thus obtained with statements of various medieval Arab critics. Such a comparison would entail a correlation of the inner view of the literature of the time with the outer one. Such is the task of the present study.

In order to understand the literature of “the later Arabic classical period (the ninth – twelfth centuries)”, it is necessary to go back to *Jahiliyya* literature (the sixth – eighth centuries). The latter is treated in Chapter I. The written works attributed to the period, consist of poetic genres of the established syncretic epic type. Chapter I is also an attempt to define the cycled organisation of Arabic heroic epics. The main heroes of the latter are the poets of the ten famous odes (*mu'allaqat*). The author investigates a curious phenomenon of the *Jahiliyya* epics: many a poetical fragment, attributed to this or that ancient poet, is not comprehensible without the preceding prosaic one. This peculiarity enables the reader to reconstruct the primary form of the epic consisting of an alternation of fragments in prose and poetry. This analysis concludes with the assertion that the prosaic fragment is the plot-transmitter, while the poetic one is the emotion-transmitter. This form is characteristic not only of the Arabic heroic epos but also of the romantic one: the famous stories of Jamil and Buthayna, and of Majnun and Layla (the latter, in particular). These legends did not come down to us in their original form. That is why a reconstruction is attempted in the same chapter with reference to the most ancient Arabic anthologies. The legends confirm the above statement: prose being “pure plot”, poetry being “pure emotion”. This conclusion is also valid for a similar correlation in the later period.

Other aspects of *Jahiliyya* poetics are discussed in Chapter, I; they, too, prove to be important for later periods. One of them, the stratification of poetical means, i. e. combination of archaic metaphors and comparisons which reflected a certain primitiveness of the *Weltanschauung* of the ancient poet, his anthropomorphic attitude to nature, combined with aesthetically selected poetic device. No less important for Arabic classical poetry is the principle of “repeatedness”, “commonness” of contents of definite and already known plots and

images, which were later canonized by medieval literary critics. The same may be said of the principle of variation of form, i. e. common plots and images were to be treated and grouped differently each time.

Chapter II is dedicated to the *Qur'an*, treated here primarily as a work of literature, which has played an extremely influential role in the development of both prose and poetry. The *Qur'ari* is taken here as the work of a single author, which is distinguished by its unity of style, a style however that has progressively evolved. Keeping in mind the difference between genres, one can detect the same principle of *Jahiliyya* literature: the combination of repeated plots and images with variation of lexical expression, stratification of poetics, contrasts, etc.

The author illuminates the link of Qur'anic poetics with pagan incantations connected to *Jahiliyya* poetry (some of these are recorded in the *Qur'an* unchanged).

Modifications of legends from the Old Testament incorporated in the *Qur'an* are discussed in the same chapter; they were usually altered according to the style and rhyme of the *Sura*. The influence of the *Qur'an* on Arabic poetics is similar to that of the Old and New Testaments on European literature in the Middle Ages and Renaissance period. Separate lines from the *Qur'an* were frequently cited by Arab critics as model types of rhetoric figures. Medieval Arab critics attempted to establish the importance of the *balagha* and its figures on the basis that the latter were borrowed from the *Qur'an*, thus reconfirming a tradition going back to the sacred book of Muslims. The chapter ends with a quotation evaluating the poetics of the *Qur'an* taken from Ibn al-Mu'tazz, both medieval major poet and critic.

Chapter III treats the basis for the poetics of the ninth-twelfth century classical literature. In the view of the writer, literature of the age is a qualitatively new phenomenon, based on the syncretic Arab-Muslim culture, and represented only one element of a new culture. The latter was greatly influenced by Hellenistic culture in philosophy and literature via Egypt, Syria, and Iran where Hellenistic tradition, in its turn, was widely fused with the purely Iranian culture.

The poetics of classical Arabic literature is a combination of Arabic and Graeco-Iranian traditions. If emotion was the base of *Jahiliyya* poetry, *ratio* was the main aesthetic criterion of the poetry of the classical period. Medieval critics judged harmony as the highest quality of poetry. This harmony manifested itself in "harmonizing" principles: the principle of the "framed composition" in prose and of gradation in poetry.

The writer deduces the hierarchy of Arabic poetics from the principle of harmony. Each style is characteristic of a definite genre.

Classification, another specific principle of the Middle Ages, penetrates into poetics. The main classificational works in poetics are discussed in the same chapter: "*Kitab al-sina'atayn*" by Abu Hilal al-'Askari, "*Kutab al-badi'*" by Ibn al-Mu'tazz, "*Naqd al-shi'r*" by Qudama ibn Ja'far.

The numerous translations illustrating each of the writer's conclusions are done by the writer herself. The Bibliography (pp. 225–240) tends to be comprehensive, although not necessarily totally exhausted in the book.